

Михаил Рожков

Деревенская история

2

16+

Деревенская история

Михаил Рожков

Деревенская история 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рожков М. П.

Деревенская история 2 / М. П. Рожков — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Деревенская история)

ISBN 978-5-532-07334-0

Осень всё же пришла. Пришла с дождями, с грязью, с сыростью. Пришла, хотя её никто и не звал. А в Смородиновку опять нагрянули новые жильцы: столичный бизнесмен и его молодая супруга – видеоблогер. Тем временем у деда Вити появилась мечта, а Ирина Николаевна ушла с головой в своё новое увлечение. Лишь только Штольц грустит. Но грустить ей недолго. Как только произойдёт знакомство с новыми жильцами, вихрь событий захватит всех жителей деревни, а сама Нина Михайловна встретится со своим прошлым. Старые герои и новые персонажи. Узнайте, чем закончится эта деревенская история.

ISBN 978-5-532-07334-0

© Рожков М. П., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	21
Глава четвёртая	28
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Михаил Рожков

Деревенская история 2

Все события и персонажи книги вымышлены.

Любое сходство – совпадение или случайность.

Данная книга не стремится оскорбить честь и достоинство деревенских жителей, а также кур, котов, собак и других животных, встречающихся в тексте.

Автор отрицательно относится к сценам, связанным с употреблением алкоголя и табакокурением.

Автор не советует воспринимать некоторые моменты серьёзно, так как они намеренно написаны в шуточной форме. Но помните, в каждой шутке есть доля правды.

Книга одобрена дерматологами. При прочтении не вызывает кожного зуда.

Глава первая

На дело

Осень всё же пришла. Пришла с дождями, с грязью, с сыростью. Пришла, хотя её никто и не звал. Многие не любят осень, а деду Вите на неё было плевать. Какая разница, какая за окном погода, когда тебе не идти на работу? Сидя в тёплом доме, с кружкой горячего чая, можно наблюдать, как умирает листва и природа понемногу готовится к зимнему сну. Виктор Иванович мог часами сидеть и смотреть в окно, хотя деревенский пейзаж за эти часы за окном практически не менялся. Хотелось чего-то покрепче, чем чай с лимоном, но Ионов обещал Ирине Николаевне много не пить. Что в её понятии «много», он не уточнил и пока что обходился чаем.

Тузик осень не любил. В этом году он невзлюбил её вдвойне. Дело в том, что у Ирины Николаевны появилось увлечение: она вдруг возомнила себя дизайнером. И первым её проектом стала будка. Благодаря рукам Виктора Ивановича эта идея воплотилась в жизнь. Будка получилась смешная, больше похожая на резной скворечник. Побелкиной новый собачий домик очень понравился, а вот псу – напротив. Впрочем, его мнения никто и не спрашивал. А с приходом осенних дождей в крыше будки обнаружилась течь. Дальний угол будки постоянно был сырым. Пёс, конечно, всячески намекал хозяину на неисправность в кровле, но Ионов эти намёки не понимал. Сидя в холодной, сырой будке, пёс думал о том, как хорошо котам, которые сейчас сидят в тёплых сухих сенцах.

Большой чёрный внедорожник подъехал к дому Иопова и остановился. Из машины, ступив начищенным до блеска чёрным ботинком в осеннюю кашу, вышел участковый. Балалайка, нахлобучив на голову фуражку и подтянув штаны, деловито осмотрел свой автомобиль, любовался им несколько секунд и пошёл к дому.

Тузик вошедшего во двор мужчину встретил недружелюбно. Нет, он, конечно, помнил участкового, просто сегодня настроение было паршивое, виной которому была дыра в крыше его собачьего дома. Пёс зарычал.

– Ну чего смотришь? – спросил у него Дмитрий Юрьевич. – Хозяин дома?

Тузик громко гавкнул в ответ.

– Надо же, понятливый! – удивился Балалайка.

На шум из дома вышел дед Витя. Он недовольно взглянул на Балалайку и произнёс:

– Здорово, Юрьич. А я думаю, кто это тут шастает? Уже и топор приготовил.

– Мир вашему дому, Виктор Иванович! А топор-то зачем?

– Ноги отрубить гостям всяким непрошеным.

– А зачем им ноги рубить?

– Чтобы убежать не могли. Куда же они без ног-то убегут?

– Шутите, Виктор Иванович?

– Нет, я серьёзно. Но к тебе это не относится, тебя я рад видеть. Проходи, гостем будешь, чаем напою. С лимоном.

– А к кому же это относится? К вам же в здравом уме, кроме меня и Берестова, никто и не подойдёт.

– Мало ли, – прищурился, ответил Ионов.

– Думаете, он вернётся?

– Кто он?

– Хитров. Я же знаю, вы хотите ему отомстить за то, что он в подвале Ирину Николаевну удерживал.

– Да не вернётся он, – досадливо произнёс дед Витя. – Но если вернётся, то я для него уже берёзу приготовил, на заднем дворе.

– Для чего?

– Чтобы повесить.

– Опять шутите?

– Кто знает? Проходи давай, нечего жопу морозить, не март месяц.

Балалайка вошёл вслед за Ионовым в дом. Цыган, сидящий на подоконнике в сенцах, громко мяукнул при виде участкового. Полицейский в ответ громко чихнул.

– Простыл, что ли? – повернувшись к нему, спросил дед Витя.

– Нет. Аллергия на кошек.

Зайдя на кухню, Ионов первым делом поставил на плитку чайник.

– Сейчас чайку попьём. Я уже три кружки за утро выпил.

– А где же Ирина Николаевна? – оглядываясь по сторонам, спросил Дмитрий Юрьевич.

– В Москву уехала. Кое-какие вещи забрать, книг на зиму закупить, детей и внуков пови-
дать. На днях должна приехать. Подарок обещала купить. Подарки я люблю, – улыбувшись,
произнёс Ионов.

– А вы что же с ней не поехали?

– Я? Да не, – махнул рукой Ионов. – Не люблю я большие города, там одни извращенцы живут.

Дед Витя достал из тумбочки стеклянную кружку с цветочками, кинул в неё пакетик с чаем и поставил на стол.

– Смотрю, у вас посуда новая? – ухмыльнувшись, произнёс Балалайка.

– Ирка купила, – стусевавшись ответил Ионов. – Она тут вообще весь дом хочет пере-
делать на свой вкус.

– О как! Когда свадьба-то?

– Какая свадьба?

– Ну как какая – ваша с Ириной Николаевной. Чувствую дело к этому идёт.

– Дурак, что ли. Мы же не подростки там какие.

– Ну знаете, женщине всегда праздника хочется.

– Ты давай не умничай, знаток женских душ, а то кипятком ошпарю.

С этими словами дед Витя снял с плитки чайник и налил в кружку.

– Вы вроде чай с лимоном обещали, – сказал участковый, наблюдая, как содержимое
кружки окрашивается в коричневый цвет.

– Нет лимонов. Резко кончились.

– Всё-таки вы не меняетесь, Виктор Иванович, что раньше злой были, что сейчас.

– Я не злой, я справедливый. А вот ты балабол.

– И сахару не дадите? – спросил Дмитрий Юрьевич, поболтав пакетиком в кружке.

– Не дам. И вообще, ты чего ко мне припёрся?

– В гости зашёл. Вы же после того случая, когда я Ирину Николаевну разыскал, сказали,
что я всегда желанный гость в вашем доме.

– Да? Не помню такого.

Балалайка улыбнулся, сделал глоток из кружки, обжёгся, а затем произнёс:

– Ладно, Виктор Иванович, не сердитесь, я действительно к вам не просто так приехал.

У вас скоро новые жильцы появятся.

– Что, опять? Что-то в этом году нашествие какое-то.

– И жить они будут в доме Хитрова.

– А это как? – повысив голос, спросил Ионов.

– Купили они этот дом.

– И как же он смог его продать, если он в розыске?

– А в розыске ли, вот тут вопрос. Я-то со своей стороны бумаги как надо оформил, следователь наш тоже всё грамотно сделал. Но через какое-то время дело у нас забрали, сначала область, затем Москва.

– И что это значит?

– Развалят потихоньку дело, вот и всё. Большие деньги многое решают, к тому же у Хитрова были очень хорошие связи. Сейчас он за границей, время идёт, шумиха стихнет, дело потихоньку спустят на тормозах, а потом и закроют вовсе за недоказанностью.

– Но как же так?

– А вот так. Но это моё предположение, может, и не так будет. Но это я всё к тому, что новые жильцы никакого отношения к Хитрову не имеют. А то знаю я вас, устроите тут вендетту.

– Чего?

– Мечь.

Виктор Иванович достал папиросу из пачки и закурил.

– Расстроил ты меня, Дима, – тихо произнёс он, выпуская дым изо рта.

– А что поделать, не всегда бывает так, как мы хотим.

– А что за люди-то приедут? Небось, буржуи какие?

– Вот чего не знаю, того не знаю, но явно не простые. У меня вот денег на такой дом нет. Если только в кредит взять, лет на двести, – задумчиво произнёс Балалайка, почесав лоб. – Ладно, поеду я, работы ещё много.

– Ну пойдём я тебя провожу, – Ионов затушил папиросу и встал со стула.

Они вместе вышли из дома. Тузик недовольным взглядом проводил участкового.

– Что-то у вас, Виктор Иванович, пёс грустный, – произнёс Балалайка, дойдя до калитки.

– Осень, меланхолия.

– Ну да, ну да, – вздохнул капитан, подойдя к автомобилю.

– Ого, это что, твоя? – спросил дед Витя, указав пальцем на чёрный внедорожник.

– Моя, – гордо ответил Дмитрий Юрьевич.

– Ты никак оборотнем стал?

– Каким ещё оборотнем?

– В погонах. Откуда у простого участкового деньги на такую машину?

– Я копил долго.

– Темнишь ты что-то, Дмитрий Юрьевич, – недовольно произнёс Ионов.

– Не темню я ни капли. Я сам светлый, и душа у меня светлая.

– Ну-ну. Ладно, давай вали уже, голова от тебя разболелась.

Страж порядка обиженно хмыкнул, сел в автомобиль, завёл двигатель, развернулся и уехал. Ионов, провожая взглядом удаляющуюся машину, вновь достал папиросы и закурил.

– Дизельная! – раздался голос сзади.

Дед Витя повернул голову и увидел стоящего сзади Берестова. Он был одет в спортивные штаны, резиновые сапоги и свою неизменную телогрейку. На лице его сияла улыбка, впрочем, как и всегда.

– Отгадай загадку, Степаныч. Зимой и летом одним цветом? – задал вопрос Ионов, пыхтя папиросой.

– Ёлка!

– Нет, это ты, – ткнул пальцем в грудь соседа Ионов.

– Почему я?

– Потому что ты всё время в одной одежде ходишь. Что летом в телогрейке, что осенью, что зимой.

– А чего такого, хорошая телогрейка. Практичная и тёплая, – произнёс Николай Степанович, оглядев себя со стороны.

– Да-а, модель, конечно, из тебя, Степаныч, не получится. Нет у тебя чувства вкуса и стиля.

Берестов широко улыбнулся, а потом просительно произнёс:

– Угости папироской, Виктор Иванович. Мои кончились. Бабка завтра в город пойдёт, купит – я верну.

– Вернёт он, ага, держи карман шире. Ты мне за всё время уже целый грузовик этих папирос должен, – пробубнил Ионов, но папиросой с соседом поделился.

Берестов, порыскав в своих необъятных карманах, извлёк оттуда зажигалку, прикурил и жадно затянулся.

– А кто приезжал-то? – спросил он, выпуская сизый клубок дыма.

– Участковый.

– Ого! И откуда у него такой автомобиль, да ещё и дизельный?

– Не знаю, Степаныч, не знаю. Боюсь, как бы наш Дмитрий Юрьевич на тёмную дорожку не ступил.

– Какую дорожку?

– Не важно.

– А чего он приезжал-то?

– Говорит, жильцы скоро новые объявятся.

– Опять? И где же они жить будут?

– В доме адвоката.

– А что, его уже поймали?

– Нет. Он его продал.

– Как так?

– А вот так. Не бреди душу, – сердито ответил дед Витя и бросил окурочек в сторону.

– Я смотрю, у тебя настроение, Виктор Иванович, не очень, может, по чуть-чуть? – лукаво спросил Берестов.

– Нельзя, – вздохнул Ионов.

– Почему?

– Ирке обещал.

– Так мы ей не скажем, тем более мы совсем по граммулечке, – заговорщицки произнёс Берестов и достал из-за пазухи пол-литровую бутылку.

Ионов задумчиво посмотрел на соседа и принялся рассуждать: «С другой стороны, она сказала, чтоб я много не пил, а это не означает, что совсем нельзя. Если немного и с умом, то всегда можно».

Николай Степанович стоял с бутылкой в руках, широко улыбаясь, и ждал, когда дед Витя примет решение.

– А давай, – махнул рукой Ионов.

Открыв калитку, он пошёл в сторону дома. Берестов засеменил следом. Тузик дежурно гавкнул, Николай Степанович улыбнулся ему, помахал рукой и зашёл следом за дедом Витей в дом.

Дед Витя деловито уселся на синий сундук. Взяв свою кружку с недопитым чаем, мигом влил напиток в себя и скомандовал:

– Наливай в неё.

– Так там же лимон? – удивился Берестов.

– И что? Лимон – это витамин С, а витамины, они полезные.

Николай Степанович пожал плечами. Открыв пробку, он плеснул водку в кружку.

– Ну, за здоровье, – произнёс Ионов тост.

– А мне?

– Чего тебе?

– Ну, посудину какую-нибудь, не из горла же пить?

Виктор Иванович немного отстранился, прищурил правый глаз:

– Это где это ты, Степаныч, таких замашек царских нахватался? Раньше из горла пил и ничего, а теперь сервиз ему подавай.

Берестов широко улыбнулся, не зная, что ответить.

– Ладно, шучу я, возьми кружку в тумбочке.

Николай Степанович открыл дверцу маленькой обшарпанной тумбочки, достал кружку, дунул в неё и, поставив на стол, налил водку из бутылки.

– Твоё здоровье, Степаныч, – произнёс дед Витя и махом выпил.

Берестов пододвинул к себе табуретку, сел, выпил следом и тут же разлил ещё по одной.

– Эх, скучно мы живём, Степаныч, – вздохнул Ионов, поставив локоть на стол и подперев лицо ладонью.

– Отчего же скучно?

– Ну как отчего, осень, грязь, делать нечего, остаётся только телевизор смотреть и водку пить. А ведь ещё неизвестно, что из них вреднее.

– Так и ездил бы тогда в Москву, вместе с Ириной Николаевной.

– Нет, я большие города не люблю. Людей там слишком много, злые они там все и лощёные. Мне и здесь хорошо, только скучно. Летом-то в деревне красота, а вот осенью или зимой тоска смертная. Остаётся только пить, а мне теперь много нельзя, Ирина ругаться будет.

Берестов молча выпил. Ионов взглянул на него и тоже выпил.

– Слышал, Виктор Иванович, говорят, свет подорожает? – спросил Берестов, вытирая губы рукавом телогрейки.

– Не слышал. Но если так, то это плохо. Придётся за свет кучу денег платить. Зимой-то обещают холодную, а обогреватель, зараза, электричество жрёт как бешеный.

– А ты дровами топи.

– А где их взять-то?

– Так заказать можно и тебе привезут. Я вот две недели назад так и сделал. Дровишки привезли хорошие, берёзовые.

– Ну, ты и буржуй, Степаныч. Дрова-то денег стоят, а пенсия у меня небольшая. Впрочем, как и у тебя. Надо будет как-нибудь в лесок сходить, веточек нарубить-наломать, мало-мало, всё лучше, чем ничего. Или, может, банк ограбить, а Степаныч? Я бы тогда Ирине какой-нибудь подарок купил. Она же всё-таки женщина.

Берестов крепко задумался, собрав все морщины на лбу в одну кучу, а затем просиял:

– Есть идея!

– Какая ещё идея?

– Насчёт ограбления.

– Не, Коля, это я так, пошутил. Ну какой из меня грабитель? Тем более в банке чьи-то деньги лежат. А люди, может, их годами копили.

– Необязательно грабить банк.

– А что же тогда, библиотеку? Ирине Николаевне, конечно, понравится гора книг в доме, да и печь ими можно растопить в случае чего, но, с другой стороны, это кошунство.

– Не библиотеку, дом Хитрова, – произнёс Николай Степанович и тут же замолчал.

– Чего ты сейчас сказал? – поднял брови дед Витя.

– Дом Хитрова, – повторил тихо Берестов. – А что, там сейчас никто не живёт, покидал он его в спешке, наверняка там комнаты полны всяких дорогих вещей. А новые хозяева, когда приедут, ничего и не заметят, они же не знают, что там было.

– Нет, Степаныч, я на воровство не пойду, – тут же ответил Ионов. – Я, может, и не самый хороший человек, но не вор.

Берестов налил ещё по одной и заговорщицки произнёс:

– А никто и не говорит, что мы будем воровать. Мы просто заберём компенсацию.

– Какую компенсацию?

– Ну вот смотри, Иван Семёнович похитил твою женщину, так?

– Так, – кивнул Ионов.

– А ведь наказание он так и не понёс, так?

– Так.

– Вот мы его в своём роде накажем. Компенсацию, так сказать, взыщем.

Ионов почесал щёку, постучал указательным пальцем по кружке, затем взял её в руку и выпил содержимое.

– Так там же камеры во дворе, – тихо прошептал дед Витя, наклонившись над столом.

– Там два месяца никто не живёт, они наверняка ничего уже не едят. Ну и мы на всякий случай маски наденем.

– А ты думаешь, там есть чего брать?

– Конечно! Не мог же адвокат в спешке всё разом увезти.

– Ты прав, ты прав, – выпрямившись и почесав подбородок, сказал Виктор Иванович. – Нет, деньги он, конечно, наверняка забрал, но вот вещи всякие дорогие там скорее всего остались.

– Так и я про то, – радостно воскликнул Берестов.

– А что мы с этими вещами делать будем?

– Продадим.

– Кому?

– Было бы что продать, а кому, это всегда найдётся.

– Ты, стало быть, пойдёшь со мной?

– Конечно. Я-то тоже пострадал от его деяний. Пускай морально, но пострадал. И я тоже хочу компенсацию.

– Эх, алчный ты человечиска, Степаныч. Ну ладно, решено, идём на дело. Сегодня ночью и пойдём.

– Сегодня?

– Да, сегодня. Неизвестно, когда новые жильцы приедут, завтра может быть и поздно.

– Ну хорошо, – сказал Берестов и протянул руку к кружке с водкой.

– А вот пить больше не надо, – ударил Ионов Николая Степановича по руке. – На дело трезвыми надо идти. Сейчас отдыхать, а в два часа ночи жду тебя здесь.

Берестов громко вздохнул, убрал руки от кружки и согласно кивнул.

– И колготки у Галины своей прихвати.

– А колготки-то зачем?

– На морду напаялим, вместо масок будут.

– Понял.

А по ночам было уже совсем холодно. Порой даже ощущалось далёкое дыхание зимы. Но это только ощущалось, так как осень только-только перевалила за свою законную половину отпущенного ей срока. Тузик лежал в будке и грустил, думая о том, как бы намекнуть хозяину на неполадки с крышей. Сон сегодня что-то не шёл. Зато шёл кто-то другой и совсем рядом. Пёс отчётливо слышал шаги, приближающиеся к калитке. Высунув нос наружу, собака уловила знакомый запах телогрейки Берестова. Тузик вышел из будки, намереваясь разобраться в ситуации и облаять столь позднего гостя. Но внезапно открылась дверь, и на пороге возник дед Витя.

– Тузик, тихо, – скомандовал он псу. – Степаныч, давай скорее в дом.

Берестов, пригнувшись и смешно семеня ногами, забежал в сенцы.

– Ты бы ещё ползком передвигался, – усмехнулся Ионов.

- Конспирация, – поднял указательный палец Николай Степанович.
- Ладно, конспиратор, молодец, что вовремя пришёл.
- Так я вообще пунктуальный, по мне часы сверять можно, – зарделся Берестов. – Вот помню, на работе так все и говорили: «Коля как часы! Точный и безотказный».
- Хорош трепаться, – оборвал его Ионов. – Ты колготки принёс?
- Николай Степанович порылся в кармане телогрейки и извлёк на свет чёрный комок капрона.
- Чистые? – поинтересовался Виктор Иванович.
- Стиранные.
- Пойдёт. Сейчас ножницы дам, на две части разрежешь.
- Ты что! Меня же Галина заругает! – чуть не закричал Берестов.
- Да-а, послал бог подельника, – вздохнул Ионов. – А как мы с тобой одни колготки на две головы надевать будем, ты об этом подумал?
- А может, ты себе другую какую-нибудь маску найдёшь? – чуть не плача, предложил Николай Степанович.
- И какую же?
- У тебя же мотоцикл есть.
- Есть, и что?
- Можно шлем мотоциклетный надеть.
- Ионов прищурил глаз и критично посмотрел на Берестова.
- Коля, ты дурак?
- Нет, – обиженно ответил Берестов.
- А я вот сомневаюсь. Режь давай, не жалея. Ты потом с добычи Галине целый вагон этих колготок купишь.
- Дед Витя протянул ножницы Николаю Степановичу. Тот взял их, тяжело вздохнул и принялся кромсать. Дед Витя тем временем натянул на себя чёрную куртку и надел резиновые сапоги.
- Готово, – Берестов предъявил результат своей работы.
- Ионов молча взял половину колготок и сунул в карман, после чего скрылся в недрах дома. Через минуту он вернулся с двумя парами варежек. Одну из них протянул Николаю Степановичу.
- Зачем? – удивился Берестов. – Не холодно же.
- Бери, говорю, это чтобы отпечатки пальцев не оставлять.
- Так не лучше ли перчатки взять?
- Нет у меня перчаток. Бери что есть.
- Берестов взял варежки и сунул в карман.
- Надо ещё пакеты взять, – подкинул идею Николай Степанович.
- Пакеты-то зачем?
- А награбленное в чём понесём?
- Не награбленное, а компенсированное. Забыл, что ли?
- Ну, компенсированное.
- Без ну. Не нужны нам пакеты.
- Как так?
- Будем брать мелкое и дорогое, чтобы поместилось в карманах. На большом быстро спалимся.
- Ух, Иваныч, ты прям как заправский домушник заговорил, – восхитился Берестов.
- Я просто умею логически думать. Ладно, пошли, что ли. Нам ещё в сарай за инструментом зайти нужно.
- А в сарай-то зачем?

– Лестницу возьмём и лом. Без лома на дело не ходят.

Глава вторая Орёл и воробей

Около трёх часов ночи по деревне вдоль заборов шли две тёмные фигуры. Одна из них, согнувшись и кряхтя, несла лестницу, вторая держала в руке небольшой ломик.

– Иваныч, а почему я лестницу несую? – сгибаясь под тяжестью деревянной конструкции, спросил Берестов.

– Потому что я мозг операции.

– Так я же тебе идею подал?

– И что? Идея – это одно, а реализация – это другое. Тащи давай.

Берестов насупился, но продолжил покорно идти.

– Вот ситуация-то будет, если нас кто-нибудь заметит, – вновь подал голос Николай Степанович.

– Не бойсь, не заметит никто. У нас-то живут тут три калеки, и те давно уже спят. Чай, не город. Чего тут по ночам-то шлындать, грязь месить.

Совсем рядом, выплыв из темноты, показался силуэт дома адвоката.

– Со стороны дороги лезть не будем, сзади обойдём, – скомандовал Ионов.

Они обошли дом, окружённый каменной стеной. После чего дед Витя натянул колготки на голову и надел на руки варежки. Берестов последовал его примеру. Лестницу прислонили к стене.

– Живут же буржуи. Стен понаделали, – пробубнил дед Витя, – нет, чтобы как все нормальные люди забором участок обнести, так нет, крепость им надо соорудить.

– За богатство своё бояться, Иваныч, – тихо произнёс Берестов.

– Так, с этого момента никаких имён, – сердито оборвал его Ионов. – Я буду Орёл, а ты Воробей.

– А почему это я Воробей? – возмутился Берестов.

– Так, не выпендривайся давай, не в театре. Держи лом, потом через стену перекинешь.

Дед Витя поплевал на варежки и полез по лестнице. В резиновых сапогах и варежках, да ещё и в полной темноте, карабкаться было неудобно. Наконец, Ионов достиг верха. Он уселся на выступ и перекинул ноги на другую сторону.

Стена была высокая, около двух с половиной метров. Если свесить ноги, то до земли останется метра два. Виктор Иванович огляделся по сторонам, удостоверился, что вокруг всё тихо, собрался с духом и прыгнул. Свободный полёт закончился быстро. Земля больно ударила по ногам. Ионов повалился на бок, угодив рукой в какой-то кустарник.

– Орёл, Орёл, ты как там? – раздалось по ту сторону стены.

– Нормально. Давай лом перекидывай, только в меня не попади.

Несколько секунд было тихо, потом раздался звук удара железа о камень, а ещё через секунду жалобный вскрик.

– Ты чего орёшь? – сердито зашипел дед Витя.

– Лом.

– Чего лом?

– В меня попал!

– Как он в тебя попал, дурень?

– От стены отскочил.

– А ты зачем его в стену кидал, надо было через стену перекинуть.

– Я так и делал, но не перекинул.

– Слабак, – резюмировал Ионов.

За стеной раздавалось оханье.

– Да не скули ты!

– Не могу, Иваныч, ой, прости, Орёл, – больно очень. Нога распухает.

– Тьфу ты, – зло плюнул Виктор Иванович, – связался же я с тобой. Идти сможешь?

– Не знаю, больно. Лом прямо в колено попал.

Дед Витя хотел было ответить, но тут же замер. В его голове прокрутилась простая мысль, которая почему-то не приходила к нему раньше.

– Слышь, Воробей?

Ответа не последовало.

– Воробе-е-ей?

Вновь тишина.

– Степаныч, ё-моё, ты там не помер часом?

– А? Нет. Забыл про позывной.

– Я вот тут подумал, – расстроено произнёс Ионов, – а как я обратно выбираться буду?

– По лестнице.

– Так она же с другой стороны?

Берестов замолчал.

– Нужна ещё одна лестница, – вдруг деловито предложил он.

– И где же я тебе её возьму?

– Надо поискать, может, у Хитрова где-то есть?

– Нет, Степаныч, тьфу ты, Воробей, меня надо отсюда вызволять, причём срочно.

– Почему срочно?

– Потому что операция наша провалилась. Детали мы с тобой не продумали до конца, поэтому надо делать ноги. Предчувствие у меня нехорошее.

– А давай, я тебе лестницу перекину? – подал идею Берестов.

– Ты уже лом перекинул. Кстати, где он?

– Валяется где-то.

– Ищи! Ломик хороший. От твоей кульяпки он далеко отскочить не мог.

Берестов, нагнувшись и держась одной рукой за колено, второй рукой, одетой в варежку, принялся шарить по земле. А тем временем Ионов усиленно соображал, как ему перелезть обратно. Версию разбежаться и перепрыгнуть он отмёл сразу как неосуществимую. На помощь инопланетян тоже рассчитывать не приходилось. Не верил Ионов в то, что они прилетят в Смородиновку. Чего им тут делать? Можно было, конечно, побродить по территории, может, и правда где лестница завалилась, но желания такого особо не было. Виктор Иванович по опыту знал, если что-то пошло не так, лучше бросить это дело, дальше будет только хуже. Его размышления прервал возглас Николая Степановича:

– Нашёл!

– Чего ты нашёл?

– Лом.

– А чего орёшь? Лучше подумай о том, как меня отсюда вызволить.

– Может, тебе верёвку кинуть, а ты по ней залезешь?

– Отлично, кидай.

– А где верёвку взять?

Дед Витя тихо выругался.

– Значит так, Степаныч, берёшь лестницу, лом и тащишь ко мне домой. Потом заходишь в сарай, там справа на стене висит моток верёвки. Берёшь верёвку и дуешь сюда. Всё понял?

– Понял. А лестницу и лом обратно относить зачем?

– Чтобы внимание не привлекать.

– Всё, теперь понял. Я мигом, одна нога здесь, вторая там.

– Давай, давай, только ноги не сломай.

– Да-а, нога болит, ты прав. Больно всё-таки ломом колено пришибло, – пожаловался Берестов.

– Степаныч?

– А?

– Ты всё ещё там? – сердито спросил Ионов.

– Всё, бегу, бегу.

За стеной послышался шорох, стон, затем вздох и звук удаляющихся шагов. Дед Витя остался один в полной темноте. На улице было довольно прохладно. Ионов потёр руки в варежках друг о друга, затем достал папиросу и закурил. Нужно было обдумать, что делать дальше. Берестов, по всем раскладам, должен вернуться минут через пятнадцать-двадцать, если, конечно, с ним по дороге ничего не приключится. А в том, что с ним ничего не приключится, дед Витя не был уверен. Внезапно мозг посетила ещё одна мысль: вряд ли он сможет забраться по верёвке на верх стены. Во-первых, навыков скалолазания у него нет от слова совсем, а во-вторых, здоровье всё-таки не то. Решив изучить диспозицию, раз уж всё-таки попал на территорию дома адвоката, дед Витя затушил папиросу. Разрыв носком сапога небольшое углубление в земле, он кинул туда окурок и забросал обратно землёй. Ещё раз прислушавшись и удостоверившись, что вокруг тихо, он двинулся по участку.

Ночь рисовала причудливые силуэты. Казалось, что за каждым деревом прячется человек, который вот-вот закричит «Держите вора». Но это была всего лишь игра воображения. Аккуратно ступая и вглядываясь до боли в глазах в темноту, чтобы ненароком не споткнуться и не врезаться во что-нибудь, Ионов продвигался к дому. Ещё пару метров, и вот он уже взбирается по ступенькам крыльца. Дойдя до двери, Ионов на миг остановился, огляделся и взялся рукой в варежке за ручку. Дёрнул. Закрыто. С облегчением выдохнул. Всё-таки как ни называй воровство, конфискацией, компенсацией или ещё чем, оно так воровством и останется. Противозаконные действия Ионову всё же претили. Одно дело адвокату в морду дать и ноги из туловища вырвать, другое дело украсть, пусть даже и у такого плохого человека. Воровство и членовредительство для деда Вити были разные вещи.

Немного подумав, Ионов решил пойти к воротам. Резиновые сапоги громко стучали подошвами по каменной дорожке. Пройдя мимо беседки и подойдя к воротам, он остановился. По ту сторону вроде было тихо. Уперевшись рукой в воротину, толкнул её. Закрыто. Ещё попытка – тот же результат. Слегка наклонившись, Ионов заметил навесной замок. «Вот сейчас бы ломик пригодился, – подумал он. – Хотя нет, плохая идея. Нельзя оставлять следы своего пребывания». Оставалась надежда на то, что удастся как-то открыть дверь в стене, которая являлась выходом с территории.

Повернув направо и пройдя несколько метров вдоль стены, Ионов остановился напротив двери и принялся изучать её конструкцию. На двери была ручка, и никаких замков видно не было. Закрыв глаза, Виктор Иванович, попытался вспомнить, как выглядит этот бункер со стороны улицы. В голове сразу предстал образ: железная массивная дверь, в каменной стене, глазок видеокмеры, звонок, ручка. Замок в двери был электромагнитным. Хозяин открывал её электронным ключом. Но как он открывал её изнутри? Проведя рукой по стене, дед Витя нащупал кнопку. Обычную кнопку, коих много стоит на подъездных дверях, оснащённых домофоном.

«Неужели так просто, – пронеслось в голове у Иопова. – Хотя, с другой стороны, зачем Хитрову было усложнять себе жизнь?». Виктор Иванович хотел было нажать указательным пальцем на кнопку, но в варежке это не так просто было сделать. Пришлось тыкнуть большим пальцем. Доля секунды – и дверь с тихим шелчком открылась. Выглянув в щёлочку и удостоверившись, что за ней никого из случайно проснувшихся жителей деревни нет, Ионов вышел наружу и закрыл дверь. С тихим шелчком замок автоматически закрылся.

Отойдя несколько метров, так чтобы не попадать в обзор камеры, дед Витя с наслаждением снял варежки. Всё-таки не зима, и руки в них изрядно вспотели. Затем с таким же наслаждением сорвал с головы колготки. С удовольствием почесав лицо и шею, он направился к тому месту, куда должен был прийти Берестов с верёвкой, а именно к другой стороне стены. Ионов мысленно прикинул, что минут пятнадцать уже точно прошло, и Николай Степанович наверняка стоит там, кричит и переживает, куда это делся дед Витя. Но, завернув за угол стены, Виктор Иванович Берестова там не обнаружил. Вздохнув, Ионов направился к дому.

Возле дома его ждал сюрприз – машина Побелкиной. Маленький жёлтый автомобиль сиротливо стоял возле забора. Задумчиво почесав голову, Ионов подошёл к калитке и открыл её. Во дворе лежал Берестов, явно без сознания, а возле него стояла испуганная Ирина Николаевна.

– Ира!

– Витя!

– А ты чего тут делаешь? В смысле, чего так поздно?

– Так я днём ещё выехала, но пробки на трассе. Вот только недавно и приехала. А ты что, меня не ждал?

– Ждал, конечно, но ты могла бы предупредить, позвонить.

– Я звонила, но у тебя телефон был недоступен.

– Ну да, – виновато ответил дед Витя, – он разрядился.

– А зарядить забыл?

– Забыл. А с Николаем Степановичем что? – кинув взгляд на Берестова, спросил Ионов.

– Так я приехала, в доме никого, – начала сбивчиво рассказывать Побелкина, – вижу, из сарая кто-то выходит, пригляделась, не ты. И тут у меня всё сложилось в голове: в дом проникли воры, а тебя связали и спрятали.

– Неправильный вывод. И что дальше?

– А дальше я подошла сзади и ударила его.

– И чем же?

– Книгами. Четыре тома «Войны и мира».

– Ну, значит живой должен быть, классика всё-таки.

Виктор Иванович наклонился над Берестовым и принялся лупить его по щекам.

– Степаныч, Степаныч, ты живой?

Берестов открыл один глаз и удивлённо спросил:

– Виктор Иванович, а ты как выбрался?

– Молчи, дурак, – тихо прошипел дед Витя.

Побелкина и Ионов помогли встать на ноги Николаю Степановичу.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовалась Ирина Николаевна.

– Нормально, только колено болит.

– Я его по колену не била, – как бы оправдываясь, произнесла Побелкина.

– Тебя до дома проводить? – спросил дед Витя.

– Да нет, сам дойду. Чем это, кстати, меня?

– Книгами. Раз читать не хочешь, решили тебе через голову вдальблывать, – пошутил дед Витя.

– Вы уж извините меня, Николай Степанович, я просто вас с вором перепутала, – начала извиняться Ирина Николаевна.

– Да ничего, он крепкий, ему даже полезно, – сказал Ионов. – Ладно, иди, Степаныч, домой, завтра поговорим.

Берестов улыбнулся и, прихрамывая, зашагал в сторону выхода.

– А чего это вы тут ночью делали? – вдруг поинтересовалась Побелкина.

– Чего-чего, по бабам ходили, – буркнул дед Витя и пошёл в дом.

Утро хмурилось. Дед Витя сидел с кружкой чая и молча наблюдал, как ветер гоняет за окном осеннюю листву. Ирина Николаевна варила борщ на электрической плитке.

– И все же, что это у вас с Николаем Степановичем за игрища ночные были?

– Я же говорю, по бабам ходили, – ответил Ионов, пряча глаза.

– Не верю.

– Ну почему же, – приосанился Виктор Иванович, – ты же знаешь, я ого-го.

– Да потому, что тут кроме Галины и Валентины и женщин-то больше нет.

– А как же Зинаида Степановна?

– Так ей же восемьдесят три?

– Ну и что. Может, мне нравятся женщины постарше? А что, я вот по телевизору видел, сейчас у звёзд это модно.

– Это плохая мода, Витя. Ну а если серьёзно, что за ночные похождения?

– Да рыбалку ночную хотели с Берестовым устроить, но, как видишь, не срослось, – соврал Ионов.

– Надо бы Николая Степановича навестить, спросить, как там у него самочувствие, – сказал Побелкина, мешая ложкой содержимое кастрюли.

– Да что его деревянной башке будет!

– И всё же.

– Ладно, сейчас схожу.

Ионов встал из-за стола и, открыв дверь, вышел в сенцы.

– Шапку надень, – крикнула ему вслед Ирина Николаевна, – там сегодня ветрено.

Дед Витя вышел во двор. Небо было хмурое, вокруг всё было серое – в общем, жестокая и беспощадная современная осень, куда ни кинь взгляд. Ионов повернул голову в сторону сидящей возле будки собаки:

– Ну что, Туз, скучно?

Пёс наклонил влево морду и тихо заскулил.

– Не переживай, Туз, скоро выпадет снег, заметёт тут нас с тобой как обычно по самую шею, веселее сразу станет.

Собаку такая перспектива не очень обрадовала. Тузик всё не оставлял попытки намекнуть хозяину на дырявую крышу в будке. Он посмотрел умными глазами на Ионova и громко гавкнул два раза.

– Да не лай ты, – махнул на него рукой Виктор Иванович.

Сегодня с реки дул холодный ветер, и Ионов поглубже закутался в куртку. Необходимо было навестить Берестова, поговорить о вчерашней ночи. Решив не откладывать это дело в долгий ящик, дед Витя быстрым шагом пересёк двор и скользнул за калитку.

Вообще Виктор Иванович не любил быструю ходьбу, предпочитая передвигаться медленно и степенно. Но сегодня погода не располагала к променаду, поэтому пришлось изменить своим привычкам.

Споро добравшись до дома Берестовых, дед Витя вошёл во двор и коротко постучал в дверь костяшками пальцев. Тишина. Никто не торопился открывать. Ионов постучал вновь, но уже более требовательно и кулаком. Наконец, за дверью раздался шаг, послышался звук отпирания замка, и в проёме показалась Галина.

– Чего это вы заперлись, деньги считаете? – буркнул Ионов, глядя на женщину.

– Да какие там деньги, – ответила Берестова.

– А Степаныч где? – поинтересовался Ионов.

– Захворал что-то. Лежит, пошевелиться боится, – ответила Галина каким-то странным тоном.

Только сейчас дед Витя заметил, что женщина чем-то взволнована. Лицо её было бледное, глаза бегали, а на лбу собралось несколько задумчивых морщин.

– Галя, у вас что-то случилось? – спросил Ионов, посмотрев ей в глаза.

– Даже и не знаю, как сказать, – ответила женщина.

– Ну, говори уж как есть.

Берестова огляделась по сторонам и махнула рукой, призывая войти в дом. Ионов вошёл в сенцы и прикрыл за собой дверь.

– Ну, говори же.

– Мне кажется, Коля того, – тихо произнесла она.

– Чего того? Умер, что ли?

– Да ты что, тьфу-тьфу-тьфу. Того – в смысле, из этих.

– Из каких этих? Ты можешь понятнее изъясниться?

– Мне кажется, Коля трансвестит, – выпалила женщина и густо покраснела.

У деда Вити тут же пересохло во рту, он как-то неловко кашлянул и осипшим голосом произнёс:

– Кто? Трансвестит?

– Да-да, – кивнула Галина подтверждающе.

– Подожди, а ты с чего это взяла?

– Я у него в кармане колготки свои нашла. Точнее, половину колготок. Одну колготину. Чулки, наверно, хотел сделать, зараза.

– Галя, ты больше телевизор не смотри. Это ж надо такое удумать про мужа родного. У тебя что, других вариантов в голове больше не возникло?

– А что, – начала оправдываться Галина, – зачем они ему, скажи? Не на голову же он их надевал. Я как раз в передаче в одной видела, что мужик к этому возрасту с ума сходит. Вот и прут наружу извращения всякие.

– Эх, Галя, Галя, – произнёс дед Витя, не найдя сразу даже что и сказать на её доводы.

– Или я ошибаюсь? Думаешь, любовницу завёл, и это для неё? – интерпретировала по своему слова деда Вити Галина.

– Стой, остановись, – прикрикнул на неё Виктор Иванович, – понавыдумывала тут. Я сам с ним поговорю и всё выясню.

– Поговори, Виктор Иванович, поговори, – тут же залебезила женщина.

– Где он?

– Так в спальне лежит.

Дед Витя снял сапоги и прошёл вглубь дома. Миновав кухню, вошёл в спальню. На большой кровати распластался накрытый одеялом до самого подбородка Николай Степанович. На лбу его лежало мокрое полотенце, а лицо выражало невероятное страдание. Он то ли спал, то ли просто лежал с закрытыми глазами.

– Степаныч, ты чего? – спросил Ионов, увидев соседа в таком виде.

– Кто здесь? – простонал Берестов, не открывая глаз.

– Дед Пихто. Ты чего это развалился тут?

– А, Виктор Иванович, это ты. Плохо мне, кажись, умру на днях.

– Да хватит тебе, что ты как барышня кисейная! Что болит-то?

– Голова!

– Голова – это кость, поболит и перестанет.

– Ой, Виктор Иванович, – Берестов наконец открыл глаза, – ты не представляешь. Такое ощущение, что у меня внутри, в черепной коробке поселился маленький паровозик. И он постоянно гудит и бьёт колёсами по рельсам. Ту-ту! Ту-ту!

– У вас, по-моему, это семейное, – покачал головой Ионов.

– Что?

- Идиотизм.
- Это почему?
- По кочану. От колготок надо было избавиться. Это ж улика!
- Сейчас избавлюсь.
- Поздно, твоя Галина их уже нашла.
- Ой, мамочки, – завыл Берестов, схватившись руками за голову. – И что же она подумала?
- Подумала, что ты из этих.
- Из кого?
- Из тех, которые одежду женскую носят.
- Да ты что, Иваныч, – закричал Берестов и вскочил с кровати.
- Не ори. Лучше думай, как объясняться перед женой будешь.
- Может, подскажешь чего?
- Не-е-ет. Сам прокололся, сам и выкручивайся. Как, кстати, колено твоё?
- Да ничего, вроде цело. Ноет только.
- Ладно, пойду я, у меня ещё дел много, а ты думай, думать вообще полезно.

Глава третья

Новые жильцы

В деревню въехал большой чёрный автомобиль. Внутри сидели двое: невысокий лысоватый мужчина лет пятидесяти с внушительным животом и молоденькая длинноногая блондинка. Машина остановилась перед бывшим домом Хитрова, и мужчина заглушил двигатель.

– Ну вот, Кристиночка, мы и приехали, – приторным голосом произнёс он.

Они оба вышли из машины.

Если летом деревня утопала в зелени деревьев и травы, напоминая небольшой райский уголок вкупе с небольшой уютной речкой, то весной Смородиновка навевала тоску. Голые деревья с остатками жёлтых листьев напоминали ошипанных кур. Пожелтевшая, поредевшая, пожухлая трава обнажила серую землю. С реки дул уже не освежающий, а пронизывающий ветер. Вот такая картина и предстала перед глазами девушки.

– Федя, мы что, тут будем жить?

– Ну да. Ты же хотела иметь собственный дом.

– Да, хотела, но на берегу моря, а не в этой глуши.

– Ну извини. Я не нефтяной магнат, а скромный бизнесмен.

– Надо лучше работать, Фёдор, – девушка надула и без того пухлые губы.

– Кристиночка, рыбка моя, тебе здесь понравится. Посмотри, какой дом! Там есть бассейн!

– Нет, мне здесь не нравится, поехали отсюда.

– Давай поживем тут хотя бы недельку.

– Нет.

– Ну, недельку, и всё, а потом мы вернёмся в Москву.

– Не-е-ет. Мне не нравится это место и этот дом. Продай его.

– Как продай? – выпучил глаза Фёдор. – Я его только купил. Я всегда хотел иметь собственное родовое имение. Вот это оно и будет.

– Федя, ты дурак? – закричала блондинка. – Я не хочу здесь жить!

– Никто и не говорит, что мы здесь будем жить. Мы время от времени будем сюда навещаться и отдыхать от столичной суеты.

– Я хочу отдыхать в других местах.

– Будешь, будешь. Только давай поживём здесь недельку, уверен, тебе понравится.

Мужчина подошёл и приобнял девушку за талию.

– Нет, – решительно ответила она.

– Ну рыбка моя. А я тебе потом колечко куплю.

– И серёжки.

– И серёжки.

– Хорошо. Но только неделю. Давай показывай свой дом.

– А я тебе говорю, что я нормальный, – повторил в очередной раз Берестов жене.

– Нормальный? А зачем тебе тогда мои колготки?

– Галя, да ты что, у нас же с тобой сын взрослый.

– А может, ты на старости лет умом тронулся. Седина в бороду, бес в ребро.

Николай Степанович уже полчаса пытался объяснить жене, что она сделала неправильные выводы по поводу обнаружения в его кармане колготок. Пока получалось плохо.

– Ну, тогда скажи мне, скажи, зачем тебе мои колготки?

– А я Кристина, – представилась девушка и навела на Николая Степановича камеру телефона.

– Очень приятно, – ответил он и, посмотрев на лицо девушки, тут же испуганно спросил, – ой, а что это у вас с губами? Никак пчелы покусали? Так вы это, к врачу ходите. У нас тут, кстати, женщина одна живёт, так она раньше врачом в Москве работала. Вы непременно к ней загляните, она поможет.

– Федусик, что он такое говорит? – плаксиво и обиженно произнесла девушка.

Рукавишников изменился в лице и сердито спросил:

– Слушай, как там тебя, Иваныч?

– Степаныч, – поправил его Берестов. – Николай Степаныч.

– Ты что хотел-то, Степаныч?

– Я? Я ничего, поздороваться хотел. И это, спросить кое-что. У вас рыбы нет?

– Какой рыбы? – удивился Рукавишников.

– Живой. И непременно речной.

– Нет, – замотал головой Фёдор.

– Ладно, пойду искать, – произнёс Берестов, после чего развернулся и ушёл.

– Чудной какой, – сказал тихо Фёдор.

– Чурбан деревенский, – обиженно произнесла девушка.

Николай Степанович не слышал этих слов, так как уже успел довольно далеко отойти. Он брёл по дороге, размышляя о превратностях судьбы и о бренности своего существования. Дойдя до дома Ионова, он увидел выходящего из калитки Виктора Ивановича с двумя удочками наперевес.

– Виктор Иванович, – окликнул его радостно Берестов.

– О, Степаныч, а ты чего тут шастаешь, никак голова уже прошла? – остановившись, произнёс дед Витя.

– Да какое там, – ответил Берестов, подойдя к Ионову, – болит всё так же. Но супруга моя имеет удивительное свойство делать незаметной любую хворь на фоне своего громогласного голоса.

– Понимаю.

– А ты никак на рыбалку? – поинтересовался Берестов.

– Да нет, это я так, видимость создаю. Надо было найти благовидный предлог, чтобы свинтить из дома. Ирина Николаевна же ремонт затеяла, хочет обои поклеить, полы перекрасить, шторы уже новые где-то приглядела. Вот я и ушёл, якобы на рыбалку, не хочу в этом участвовать.

– Ремонт, это дело хорошее, – улыбнулся Берестов.

– Нет, ты не понимаешь, Степаныч, ремонт можно только начать, его невозможно закончить! Жил я раньше в своём уютном домике и не тужил. А сейчас начнётся, тут покрасить, там прибить, там заклеить. А оно мне надо на старости-то лет?

– Ты просто консерватор, Иваныч.

– Да нет, нормальный я. Просто у меня и так забот и дел невпроворот. А ремонт начнётся, это ведь помогать Ирине Николаевне придётся. А когда? У меня же весь день по часам расписан.

– И чем же?

Дед Витя сурово посмотрел на Берестова:

– Это тебе, бездельнику, заняться нечем, а я, может быть, книгу пишу.

– Книгу? Какую?

– Какую-какую, умную.

– А дашь почитать?

– Нет. Она пока только в голове. Да и зачем тебе, ты же кроме газет ничего и не читаешь?

– Из любопытства.

– Из любопытства вон телевизор смотри. Ладно, некогда мне с тобой болтать, пойду рыбу ловить.

– Это прям удача, – радостно произнёс Николай Степанович, достав из кармана телогрейки колготки. – Значит, мне с тобой по пути.

– Ты это, ты чего? – удивлённо спросил Ионов. – Никак правда из этих?

– Нет, что ты, – отмахнулся Берестов, – это я для рыбалки.

– Для какой ещё рыбалки?

– Ну это, рыбу ими ловить буду.

Дед Витя тщательно оглядел Берестова с головы до ног:

– Видать, сильно тебя ночью Ирка-то книгами по голове приложила.

– Да ты не понял, Иваныч, это я так Галине своей сказал. Мне же нужно было как-то объяснить наличие колготок в моём кармане, вот я и придумал, что это новый метод ловли рыбы.

– И она поверила?

– Сказала, поймаешь рыбу – поверю.

– А поумнее ничего не мог придумать?

– Нет. Не правду ей же было говорить, что мы колготки для воровства брали.

– Во-первых, брали не мы, а ты, – зашипел на него дед Витя, – а во-вторых, никакого воровства не было. Мы же не взяли ничего. Я вообще уже сто раз пожалел, что ты впутал меня в эту историю, змей-искуситель.

Берестов в ответ лишь обезоруживающе улыбнулся.

– Ладно, пошли ловить твою рыбу, так и быть.

Николай Степанович радостно кивнул, убрал колготки обратно в карман и шустро зашагал следом за Ионовым.

– А ты знаешь, Иваныч, кого я сегодня видел? – спросил Берестов, спускаясь к реке. – Жильцов новых. Ну, которые в дом Хитрова заселились.

– Интересно. И что за люди?

– Ну, мужик такой видный, на машине дорогой. И девчонка с ним молоденькая. Дочка, наверно. Только больная она.

– Как больная?

– С губами у неё что-то. Опухшие они уж больно. То ли покусал кто, то ли от природы такая.

– Дурак ты, Степаныч. Телевизор, что ли, не смотришь? Это сейчас мода такая, на губы большие.

– Ого, – присвистнул Берестов. – А зачем?

– Кто бы знал, Степаныч, кто бы знал.

Дед Витя спустился на деревянный узкий мостик и протянул одну удочку Берестову. Тот взял её в руки и принялся разматывать.

Виктор Иванович установил нужную глубину на леске, достал из кармана заранее приготовленный хлебный мякиш, отломил кусочек, скатал из него маленький шарик и насадил на крючок. Закинув удочку, он протянул хлеб Берестову.

– Эх, сейчас бы червя, – произнёс Николай Степанович, насаживая хлеб на крючок.

– Червей нет, ушли.

– Куда ушли?

– На глубину. На поверхности же холодно стало жить, осень ведь. Вот и они ушли поглубже, где теплее.

– Врёшь небось?

– Может, и вру, а может, и правда. Ладно, хорош болтать, рыба всё слышит.

- У неё же ушей нет.
- Ушей-то, может, и нет, а звуковые колебания они воспринимают.
- Ух и умный же ты, Виктор Иванович!

Рукавишников сидел в кресле возле разожжённого камина и пил красное полусладкое вино из хрустального бокала. Выгрузка и переноска вещей была завершена, и он сейчас мог позволить себе немного отдохнуть. Наблюдая за огнём, он медленными глотками пил вино. Его молодая жена, закончив осматривать дом, с недовольным видом спускалась по лестнице в гостиную.

- Ну как тебе дом? – спросил Фёдор, заметив супругу.
- Полнейшая безвкусица, – скривила носик она.
- А как по мне, так очень даже мило.
- Тебе вообще нравится всё страшное.
- Да, а как же ты?
- Я исключение, – ответила Кристина и присела рядом.
- Вина? – предложил Рукавишников.
- Не хочу.
- Фруктов?
- Не хочу.
- А чего же ты хочешь?
- Я хочу уехать отсюда.
- Опять двадцать пять, – вздохнул мужчина, – мы же договорились, что неделку здесь побудем.

– Федя, я за неделю тут сойду с ума! Чем я тут буду заниматься?

– А чем ты в Москве занималась?

– Я ходила по магазинам, снимала видео для своего блога и дарила тебе свою любовь,

Федя.

- Ну вот и тут то же самое будешь делать.
- Фёдор, ты дурак? Где ты тут магазины видишь?
- Я не про магазины, а про твоё хобби. Снимай здесь своё видео для блога.
- Во-первых, Федя, это не хобби, это работа. Ты думаешь, так легко вести свой Ютуб-канал? – закричала на него девушка. – А во-вторых, что я здесь буду снимать, чем удивлять своих подписчиков?

– О, ты не знаешь, сколько тут всего интересного. Можно снимать котов, собак, кур, коров. Я уверен, что твои подписчики вживую-то этих животных и не видели.

– Почему ты так считаешь?

– Каков поп, таков и приход, – ответил Рукавишников и тут же осёкся.

К счастью, Кристина значение пословицы не поняла.

Девушка на миг изобразила задумчивость на лице, а затем улыбнулась:

– Ты гений, Федюня, – воскликнула она и поцеловала мужчину в щёку.

– А то! – зарделся Рукавишников. – Вино будешь?

– Наливай!

Дед Витя и Берестов стояли с удочками уже как два часа. За это время удалось поймать всего две уклеи. Внезапно чихнув, Ионов произнёс:

– Всё, Степаныч, сматываем удочки, а то так и простыть недолго.

– А как же рыба?

– А что рыба? Предъявишь Галине ту, что поймали.

– Так она же маленькая?

– Скажешь, что колготки не те. Для крупной рыбы нужны шерстяные. Всё, пошли по домам, чай, не март месяц на дворе.

Николай Степанович, громко вздохнув, принялся собирать снасти. Дед Витя забрал удочки, отдал рыбу и пошёл домой. День клонился к вечеру. Ионов уже порядком проголодался и достаточно сильно промёрз. Зайдя в дом, он поставил в сенях удочки. Перед входом в коридор Ионов увидел маленький коврик. Дед Витя громко хмыкнул, вздохнул и нехотя разулся.

На кухне ароматно пахло борщом. За столом сидела Ирина Николаевна и что-то увлечённо чертила на альбомном листе.

– Вернулся уже? А где рыба?

– Степанычу отдал, ему она нужнее. А чего это ты там рисуешь?

– Это схема.

– Схема чего? – испуганно спросил Ионов и присел рядом.

– Встроенного шкафа. В комнате хочу сделать такой.

– Зачем? У меня и вещей-то всего раз-два и обчёлся.

– А вот это зря. Ты мужчина видный, у тебя должно быть много одежды, – сказала Побелкина, погладив Ионина по плечу. – Плюс, я кое-какую сюда привезу.

Дед Витя нахмурился.

– Ладно, потом обсудим, – произнесла Ирина Николаевна. – Ты голодный?

– Очень.

Побелкина встала из-за стола, взяла в руки половник и налила из кастрюли в тарелку суп. Добавив в него ложку сметаны, она поставила тарелку перед Виктором Ивановичем.

– А к нам жильцы новые приехали, – сообщил дед Витя, отправляя ложку с борщом в рот.

– Что за люди? – поинтересовалась Побелкина, ставя на плитку чайник.

– Не знаю. Я сам не видел, мне Степаныч рассказал. Мужик вроде какой-то, с дочкой.

– А где они поселились?

– В доме Хитрова, – ответил дед Витя и понял, что сказал это зря.

– А что, его поймали? – спросила Ирина Николаевна, повернувшись к Ионову.

– Нет. Там как-то его выкупили, я толком дел-то и не знаю, – ответил Виктор Иванович, решив не рассказывать версию, которую ему озвучил участковый. – Но ты не бойся, он сюда больше не вернётся. А если вернётся...

– Я не боюсь. Я вообще к этому человеку зла не питаю. Ты знаешь, мне даже его жалко.

– Жалко? – переспросил Ионов, чуть не подавившись борщом.

– Да. Жена у него умерла, сын болен. Да и похитил меня не он, а сектанты.

– Но именно он тебя удерживал в своём доме. И он мог тебя даже убить, – закричал Виктор Иванович.

– Ладно, не будем вспоминать прошлое, – примирительно произнесла Побелкина.

Ионов продолжил трапезу.

– Ты знаешь, что меня сейчас беспокоит? – Побелкина села рядом с дедом Витей.

– Чего?

– Состояние Нины. Она всё время сидит дома и целый день смотрит телевизор.

– У нас так полстраны живёт. Что в этом такого?

– Мне кажется, у неё депрессия. Понимаешь, я стала жить с тобой, она осталась одна...

– У неё остались твои куры.

– Которых я кормлю. Но сейчас не об этом. Мне кажется, она потеряла интерес к жизни.

Нужно чем-то её увлечь.

– Ир, по – моему, ты утрируешь. Это просто осень. Осенью в Смородиновке тоскливо. Я и сам, признаться, до тебя в это время так же себя вёл, как Нина Михайловна.

– И как спасался?

– Водку пил.

– Нет, это не выход, – решительно произнесла Побелкина. – Нужно её чем-то занять, заинтересовать.

– Может, ей в Москву вернуться? – предложил Ионов.

– Я спрашивала, она не хочет.

– Тогда займи её своим этим дизайнерством.

– Ей это не интересно.

– Тогда просто оставь её в покое.

– Я так не могу, она моя лучшая подруга. Я привыкла её всегда видеть подвижной и жизнерадостной, а тут она грустит.

– Мужика её надо нормального.

– Где их взять-то. Тем более нормальных. С этим у нас сейчас в стране дефицит.

– Ага, – улыбнулся Ионов, – последнего, и то забрали.

Побелкина громко рассмеялась в ответ на остроумную шутку.

– Доедай давай, и я тебе расскажу свои новые идеи по поводу ремонта.

Глава четвёртая

Блоггинг

Наступил новый день. Сегодня сквозь серое полотно неба проглянули солнечные лучи. Тепла от них уже было мало, но деревенский пейзаж они преобразили кардинально. Смородиновка как будто вновь приобрела краски. Нет, конечно же, они были не такие яркие, как летние, но определённую красоту всё же придавали.

Цыган сидел на капоте машины Рукавишникова и усиленно намывал мохнатую мордочку. Фёдор Михайлович поленился вчера загонять автомобиль на территорию дома и оставил его за воротами. Этим не преминул воспользоваться Цыган. Он вообще в деревне считал своим всё и вся и ходил там, где хотел. А тут новый объект, который он ещё не исследовал. Презрительно обнюхав машину, кот не нашёл в ней ничего интересного, поэтому решил просто забраться на капот и заняться утренним туалетом.

Открыв дверь и выйдя на улицу, свету явила себя она, Кристина Рукавишникова. Девушка была одета в кожаную короткую куртку с большим меховым воротником, короткую юбку и туфли на высоком каблуке. Завидев умывающегося кота, она достала из кармана телефон, включила камеру и тихо, как могла, подкралась к нему.

– Здравствуйте, уважаемые подписчики, с вами снова я, ваша Крис, – начала говорить девушка, снимая кота на видео. – Я нахожусь в творческом отпуске, в деревне, а прямо перед вами сидит кот.

Цыган, удивившись такому вниманию к своей кошачьей персоне, перестал умываться и удивлённо уставился на Рукавишникову.

– Кыса, скажи «мяу», – произнесла Кристина.

Цыган, будучи животным умным, тут же всё понял про девушку и, мигом утратив к ней интерес, продолжил умывание.

– А что это вы тут делаете? – раздался голос сбоку.

Рукавишникова повернула голову и увидела перед собой Берестова.

– Я Николай Степанович, помните, мы с вами вчера виделись.

– Да, да, – растерянно произнесла Кристина.

– А я тут иду мимо, гуляю, я вообще люблю гулять по утрам. Свежий воздух, он, знаете, полезен. От этого и аппетит улучшается, и давление нормализуется. А сегодня тем более и утро солнечное. Смотрю, вы с котом разговариваете, думаю, дай подойду, спрошу.

– Я не просто с ним разговариваю, я видео снимаю, – приняла важный вид Рукавишникова.

– Видео, а зачем?

– Для блога.

– Для бога? – вытаращил глаза Берестов.

– Нет, для блога, – поправила девушка.

– А что это такое?

– Понимаете, у меня на Ютубе есть свой канал. И мои подписчики всегда с нетерпением ждут от меня нового контента. «Крис 2000», не слышали?

– Нет, – замотал головой Николай Степанович.

– Зря, зайдите в интернет, посмотрите. Я известный видеоблогер, у меня даже кнопка серебряная есть.

Берестов вдруг отчётливо понял, что он ничего не понял. Но надо было как-то поддерживать разговор, поэтому Николай Степанович произнёс:

– Значит, животных снимаете?

- На данный момент да. А не подскажите, кто тут у вас есть, кроме котов?
- Да у нас кого тут только нет: коты, собаки, коровы, куры.
- Куры?! – восторженно воскликнула Рукавишникова, – самые настоящие, которые яички несут?
- Ну да, – ответил Берестов, не поняв причину восторга девушки.
- А где их можно посмотреть?
- Так у Нины Михайловны есть две штуки. Раньше три было, но после трагических событий осталось две. Она, конечно, их вместе с Ириной Николаевной заводила, но та сейчас с Виктором Ивановичем живёт.
- Где мне её найти? – спросила Кристина, пропустив всю эту Санта-Барбару мимо ушей.
- Так вон её дом, – указал рукой вдаль Берестов. – Вы прям так к ней заходите, через калитку, и в дверь стучите.
- Спасибо, Николай Иванович.
- Степанович, – поправил её Берестов.
- Вот-вот, спасибо вам, – поблагодарила девушка и пошла в указанном направлении. Берестов проводил её восхищённым взглядом.

Штольц сидела в кресле перед телевизором. В одной руке у неё была чашка с чаем, в другой пачка с печеньями. Она громко хрумкала печеньем и недовольно взирала на экран, где женщина в очках на пару с двумя клоуноподобными мужчинами рассказывала, как лечить очередную невиданную хворь. «Тебе бы, милочка, на приёме в поликлинике посидеть, а не с экрана телевизора басни рассказывать». Нина Михайловна отхлебнула из кружки чай.

Внезапно раздался стук в дверь. Штольц на миг замерла. Кто бы это мог быть? В деревне у неё из знакомых, кроме Побелкиной и Виктора Ивановича, и не было-то никого. Да и стучаться они не будут, так войдут.

Стук повторился. Нина Михайловна нехотя встала с кресла, поставила чай с печеньями на стол, вытерла руки об халат и пошла открывать.

- Здравствуйте! – произнесла Рукавишникова, как только хозяйка дома открыла дверь. Штольц смерила недовольным взглядом девушку:
- Здравсьте, а вы кто?
- Я Крис, – ответила Рукавишникова и улыбнулась губами-пельменями.
- Что-то продаёте? – спросила Штольц, пытаясь понять цель визита девушки.
- Нет, я блогер.

Нина Михайловна скрестила руки на животе и пристально, недоумевающе посмотрела на Кристину.

- Знаете, кто такой блогер? – решила уточнить Рукавишникова.
- Я-то знаю. Просто пытаюсь понять, от меня-то вам что надо.
- Мне нужны ваши куры.
- Вот как?! – удивилась Штольц, – и позвольте полюбопытствовать, зачем же?
- Понимаете, я нахожусь сейчас в творческом отпуске, а вчера осознала, что тема русской деревни мне близка.
- Я рада за вас, а куры-то вам зачем?
- Снимать их на видео.
- Кого?
- Кур.

Штольц на миг задумалась, пытаясь осознать, что изменилось в мире с последнего её визита на улицу. Вроде по телевизору сообщений о вредных выбросах не было, прилёта инопланетян она не замечала. Может, радиация?

- Ну так что? Разрешите снять кур?

Штольц подумала, что дураков на свете становится с каждым днём всё больше и больше. Это факт, это неизбежность, и это надо принять как должное. Но от них должна быть своя польза, поэтому дураков нужно использовать в своих интересах.

– Пятьсот рублей, – выпалила Нина Михайловна.

– Окей, – согласилась Кристина без колебаний и достала из кармана купюру.

Штольц, улыбнувшись, взяла деньги и сказала:

– Жди здесь, сейчас оденусь и выйду.

Дверь захлопнулась, и девушка осталась стоять одна возле дома. Она тут же достала телефон, включила видеозапись и, направив камеру на себя, начала говорить: «Добрый день, мои любимые подписчики, с вами снова я, Крис. Сегодня я покажу вам кур. Да-да, тех самых, которые весело кудахчут и несут яички. Мне удалось договориться с местной владелицей этих пернатых и буквально через несколько минут мы с вами их увидим».

– Пошли, что ли, – позвала Штольц, вновь возникнув в дверном проёме. Она успела надеть плащ и резиновые сапоги.

Девушка обрадованно кивнула.

– И давно ты этим занимаешься? – поинтересовалась Нина Михайловна, пробираясь по дорожке к задней части дома.

– Чем? – не поняла вопроса Рукавишникова.

– Сниманием на видео всего подряд и выкладыванием в интернет.

– Уже больше полугода. И вы знаете, я достигла уже очень больших успехов. Мои видео всегда в тренде, и я уже даже получила серебряную кнопку.

– Что за кнопка такая?

– Награда от Ютуба каналу, достигшему 100 000 подписчиков.

– Мда... – неопределённо произнесла Штольц.

Кристине тяжело было идти. Дело в том, что длинные каблуки то и дело проваливались в землю. Благо, земля ещё была сухая.

– А образование у тебя-то есть? – спросила Нина Михайловна, которая в своих резиновых сапогах пёрла как танк.

– Конечно. У меня три неоконченных высших.

– Надо же, это теперь за образование считается. А почему не окончила?

– Понимаете, я не хочу загонять себя в рамки. Я хочу развиваться как творческая личность, а для этого необходимо иметь только талант. А он у меня есть, а остальное всё – ненужные вещи.

– Пришли, – Штольц остановилась возле вольера с курами.

– Ой какие хорошие! – заверещала Кристина. – А как их зовут?

– Муся и Дуся.

– А можно мне туда, внутрь?

Штольц пожала плечами и открыла дверь вольера. Кристина зашла в вольер и принялась тыкать телефоном в куриц, пытаясь снять крупный план. Птицам это не очень нравилось. Они недовольно косились на девушку и кудахтали что-то на своём, курином.

«Три курицы в клетке, – тихо произнесла Нина Михайловна. – Мои-то, правда, поумнее будут».

Вдоволь наснимав куриц, девушка вышла из вольера.

– Спасибо вам!

– Да не за что.

– Кстати, как вас зовут?

– Нина Михайловна. Ты заходи когда захочешь. Тариф тот же.

– Хорошо, буду иметь в виду. Спасибо вам ещё раз, а сейчас мне нужно бежать, впереди ещё куча дел.

- Каких же?
- Смонтировать видео и выложить ролик в интернет.
- Ну беги-беги, только осторожней, – произнесла Нина Михайловна, провожая девушку. – А ты сама откуда?
- Я сама из Москвы, но сейчас в творческом отпуске...
- Да я помню, – перебила её Штольц, – тут-то где поселилась?
- В самом большем доме, – с гордостью ответила Кристина.
- В доме адвоката значит. Одна приехала?
- С мужем.
- Тоже блогер?
- Нет, что вы, – ответила девушка, остановившись возле калитки, – он у меня бизнесмен. У него несколько магазинов и аптек в Москве. Фёдор Рукавишников, может, слышали?
- Нина Михайловна на миг изменилась в лице.
- Фёдор Михайлович? – спросила она.
- Да-да, – закивала Кристина.
- Нет, не слышала, – ответила жёстко Штольц.

Дед Витя сидел на лавке возле своего дома и задумчиво курил. Время было послеобеденное, он совсем недавно плотно поел и сейчас, деловито развалившись на лавке, насыщал организм никотином и одновременно переваривал еду. Открылась калитка, и в проёме показалась фигура Берестова. Тузик дежурно гавкнул два раза и успокоился.

- Доброго дня, Виктор Иванович.
- Здорово, Степаныч, коль не шутишь.
- Николай Степанович пересёк двор и уселся рядом на лавку.
- Ну, рассказывай, чего припёрся? – произнёс Ионов.
- Да так, по-соседски в гости зашёл.
- Ну-ну. Как там, кстати, тебя Галина твоя вечером встретила?
- Не поверишь, обрадовалась жутко.
- Чего это?
- Ну, что я с рыбой пришёл. Рыба хоть и маленькая, но всё же рыба. Она на радостях мне даже рюмочку перед сном налила.
- Во как!
- Ага. Рада, что я не такой оказался.
- Ты колготки-то ей вернул?
- Николай Степанович на миг задумался, засунул руку в карман телогрейки, пошарил там и извлёк наружу скомканные колготки.
- Забыл.
- Ты лучше поскорей их верни, а то Галина у тебя – женщина с фантазией, мало ли ещё чего надумает себе.
- Берестов кивнул и убрал колготки обратно.
- А ты чего такой грустный, Виктор Иванович?
- Да так, – махнул рукой дед Витя.
- Да ладно, расскажи, может, помогу советом каким.
- Ионов задумчиво затянулся папиросой:
- Понимаешь, Степаныч, не так я себе представлял совместную жизнь с Ириной Николаевной.
- А что так?
- Вот ты думаешь, почему я тут сижу курю? Потому что она мне в доме курить запретила.
- Беда, – протянул Берестов.

– И не говори. И потом ремонт этот. Я понимаю, конечно, что она всё это из добрых побуждений, но мне-то от этого не легче.

– И что думаешь делать?

– Терпеть, – ответил Ионов, туша папиросу. – Я же люблю её. И потом готовит она вкусно, а покурить – покурить можно и на улице.

– Кстати, не угостишь папироской, Виктор Иванович? – как бы между делом спросил Берестов.

– А твои где?

– Дома забыл. Не бежать же теперь за ними обратно.

– Ты бы бросал курить, Степаныч, – произнёс дед Витя, доставая пачку и протягивая её Берестову. – Это вредно и в первую очередь для меня.

– Почему для тебя?

– Потому что папиросы денег стоят, и каждый раз, когда я тебя угощаю, я наношу удар по своему бюджету. Согласен?

Николай Степанович улыбнулся и прикурил от зажигалки.

– А Ирина Николаевна твоя сейчас что делает? – спросил он, выпустив клуб дыма изо рта.

– Да к Нине Михайловне пошла. Говорит, с ней что-то неладное происходит. Дескать, грустная.

– Так осень же.

– Вот и я ей про то.

– Кстати, вспомнил чего, – Берестов хлопнул себя по коленке, – статью одну в газете очень интересную прочитал.

– Опять про таблетки?

– Да нет, – Николай Степанович достал из кармана сложенную в несколько раз газету.

Он неспешно развернул её и принялся читать: «Анатолий Сергеевич Дункарь, житель села Новогородово, выиграл в лотерею десять миллионов рублей. Как говорит сам Анатолий Сергеевич, лотерейный билет он купил просто так, счастья попытать, и уж никак не ожидал, что выиграт, тем более такую крупную сумму».

– Повезло мужику.

– И не говори, – сказал Берестов, складывая газету и вновь убирая её в карман. – А вот ты бы с такими деньгами что сделал?

– У меня таких денег никогда не будет, – вздохнул Ионов.

– Ну а если представить?

– А если представить, то машину бы купил.

– А ещё?

– Украшения какие-нибудь золотые Ирине Николаевне.

– А ещё?

– Внукам и детям по чуть-чуть бы раздал, а оставшуюся часть в банк бы положил, под проценты. А может, и вовсе бизнес бы какой открыл.

– А может, тоже попробовать? – мечтательно произнёс Николай Степанович, туша папиросу.

– Что попробовать?

– Билеты купить, лотерейные.

– Да не, – махнул рукой дед Витя, – не выиграешь ты ничего.

– Это почему же?

– Так враньё это всё.

– Ну враньё не враньё, а человек вот выиграл. В газете ложь писать не будут.

– Ты и про таблетки то же самое говорил, помнишь?

– Ну, таблетки – это одно, а лотерея – это совсем другое. Может, и повезёт мне на старости лет.

– А может, и мне попробовать? – почесал подбородок Ионов. – Я так-то ещё тот везунчик, может, и я чего выиграю.

– И я про то, Иваныч, я же дело говорю.

– Решено, – хлопнув в ладоши, сказал дед Витя, – завтра в город, за билетами.

– Думаешь, это он? – спросила Ирина Николаевна.

– Уверена. От этой сволочи даже здесь покоя нет.

– Может, просто однофамилец? – предположила Побелкина, окуная чайный пакетик в кипяток.

– Ага, а ещё одноимёнец и одноотчественнец.

– Ну, даже если это он, то что с того?

– А ничего, просто видеть его не хочу, – ответила Штольц и закинула плитку шоколада в рот.

– Допустим, это твой бывший муж, – сказала Побелкина, делая глоток чая, – и что с того? Расстались вы с ним мирно, алименты ребёнку до восемнадцати лет он платил исправно, плохого про тебя ничего не распускал. Или ты просто завидуешь?

– Чему? – спросила Штольц, закидывая ещё одну плитку шоколада в себя.

– Тому, что он не спился без тебя, не упал на самое дно, а стал состоятельным человеком и имеет молодую жену.

– Да бог с тобой, Ира, какая зависть?! Ты вообще эту дуру видела? Блогер, видите ли, она. И тому, что у него всё хорошо в жизни, я тоже очень рада.

– Тогда что?

– Просто тех людей, которых я вычёркиваю из жизни, я не хочу больше встречать нигде и никогда.

– Да-а, не хотела бы я с тобой поругаться.

– Вот и не ругайся.

– Делать-то что будешь? – спросила Ирина Николаевна, глядя на подругу.

– А почему я должна что-то делать? – возмутилась Штольц.

– Ладно, не кипятись, – успокоила её подруга. – Хочешь, завтра в город съездим? По магазинам пошляемся, развеемся.

– Не знаю, – ответила Штольц, доедая остатки шоколада. – Поехали.

Поздно вечером Ирина Николаевна рассказала Ионову, что в дом Хитрова заселился бывший муж Нины Михайловны. Дед Витя эту информацию воспринял без интереса. Он вообще весь вечер был задумчив. И только узнав, что Ирина Николаевна и Штольц собираются завтра в город, тут же оживился и напросился вместе с ними. На вопрос о том, зачем ему в город, дед Витя лишь отмахнулся и сказал, что надо.

Глава пятая

Михаил Афанасьевич

Легковой автомобиль остановился на середине деревни. Было раннее утро. Из машины вышел мужчина и принялся оглядываться. Он был высокого роста, широкоплечий, одетый в чёрное пальто, шапку, брюки и ботинки. На вид ему было лет тридцать, а может, и сорок, а может, и не то, и не другое. Шапка вообще такой предмет гардероба, который будучи надетым, зачастую не даёт не то что точно возраст определить, а порой и пол.

Вдалеке навстречу мужчине шёл Берестов. У Николая Степановича вообще был удивительный нюх на новые лица в деревне. И вроде делал он это не специально, но именно его одним из первых встречал любой, кто впервые посещал Смородиновку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.